

DOI 10.15393/j9.art.2014.742

Владимир Дмитриевич Денисов

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка,Российский государственный гидрометеорологический университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

vladdenisoff@mail.ru

ГОГОЛЕВСКИЙ ХРИСТИАНСКИЙ ИМЕНОСЛОВ: О ФОРМЕ И СЕМАНТИКЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН В РАННЕЙ ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЯ*

Аннотация. В произведениях русской классической литературы современному читателю зачастую неизвестны или непонятны *прямое* и *коннотативные значения* личных имен (онимов), в которых отразилась культура того времени и которые играли важную роль в художественном целом: на том основывались и писатель, и читатели, как минимум, знавшие начала латинского и греческого языков, античную и славянскую мифологию. Поэтому одним из возможных путей корректного филологического комментирования текста может стать определение семантики личных имен и ее соотнесение с характеристиками героев, с идейно-художественными аспектами содержания. То есть, анализируя структуру художественного образа, следует учитывать значения различающихся форм онима, их возможную внешнюю и внутреннюю *диалогичность*.

Мы характеризуем онимы в ранних произведениях Н. В. Гоголя, посвященных Малороссии: «Глава из исторического романа», «Две главы из малороссийской повести», первая книжка «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831). За основу взяты общепринятые в то время толкования распространенных славянских имен в их украинском и русском вариантах и список «Имен, даемых при Крещении» из гоголевской «Книги всякой всячины» (1827–1831).

Приведенный анализ позволяет сделать вывод, что, наделяя героя тем или иным христианским именем, Гоголь учитывал фонетическую и семантическую структуру онима, его прямое и коннотативное значения, их противоречия, смысловые связи, реже — его распространенность, принадлежность тому или иному сословию, паронимические созвучия.

Ключевые слова: Гоголевский именослов, раннее творчество, форма и значение личных имен (онимов), диалогичность, «Вечера на хуторе близ Диканьки»

Современному читателю произведений русской классической литературы зачастую неизвестны (или, в лучшем случае, неясны) *прямое* и — особенно — *коннотативные зна-*

чения личных имен (онимов), что играли важную роль в художественном целом, по-своему отражая христианскую культуру того времени¹. На этом основывались и сам писатель, и читатели, как минимум, знавшие начала латинского и греческого языков, имевшие понятие об античной и славянской мифологии. Поэтому одним из возможных путей корректного филологического комментария может быть определение семантики личных имен в ее соотношении с характеристиками героев, идейно-художественной стороной повествования. Ведь, создавая художественный образ, автор мог со- и противопоставить различную форму и семантику имени, использовать в своих целях такую «внешнюю» и «внутреннюю» *диалогичность*. В этом плане особенно интересны онимы из ранних произведений Н. В. Гоголя, посвященных Малороссии: «Глава из исторического романа», «Две главы из малороссийской повести “Страшный кабан”», первая книжка «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831). В основе нашей работы — общепринятое в то время толкование распространенных славянских имен в их украинском и русском вариантах и список «Имен, даемых при Крещении» из гоголевской рукописной «Книги всякой всячины, или подручной Энциклопедии» 1827–1831 годов (IX, 513)².

В «Главе из исторического романа» взаимоотношения типичных героев: безымянных *козака* и *шляхтича*, *пана* и *дьякона* — по-своему отражали противостояние малороссийского Козачества с польским королем, шляхтой, коронными воинами в середине XVII в. А безымянность козацкого полковника Глечика и шляхтича Лапчинского восполнялась значением их фамилии / прозвища. У полковника оно восходило к укр. 'небольшой глиняный кувшин или горшок'; фамилия посланца поляков указывала на его шляхетское происхождение — правда, она позаимствована «из более позднего времени: Лапчинский был послом от Подольского воеводства... в 1706 г.» [2, 99–100]. То есть фамилия / прозвище в данном случае соответствует национальности героев. Однако далее не будут названы имена или прозвища других взрослых членов семьи Глечика (старуха *теща*, отлучившаяся жена, два погибших сына).

При упоминании поляком некоего *Казимира* исторический контекст высказывания позволяет видеть в нем, вероятнее всего, Яна II *Казимира* Ваза (1609–1672), короля Речи Посполитой в 1648–1668 годах. Имя *Казимир-Казимеж* двусмысленно: тот, кто «указывает», объявляет мир, т. е. *миротворец*, и тот, кто *нарушает* покой/мир. Для козаков были важны **оба** значения. Король Ян Казимир в XIV веке сделал дворянами «всех верных и храбрых малороссиян», служивших ему, а при заключении Зборовского трактата 1649 года между поляками и козаками Хмельницкого, дворянское достоинство (от лица Яна II Казимира) получили «многие из Козаков, оказавших на войне важные услуги» [4, 36–37], хотя тот же король посылал регулярные войска на Украину, старался подкупить козацкую старшину и т. п.

Рядом с Казимиром возникает имя *Бригитты* — чужеродное, западноевропейское (вряд ли учитывалось действительное значение имени — от Celebrated Bridget — синонимичное *решительности, силе, святости*). И этим именам в конце «Главы» противопоставлены русские православные имена детей Глечика: *Федот, Карп* и *Маруся* (хотя в списке «Имен, даемых при Крещении» укр. имя *Маруся* возводилось к *Марине, Марьяне*. Трудно сказать, справедливо ли это только для укр. разговорного варианта в то время, или этот вариант тогда совпадал у русских имен *Марина* и *Мария*. В Петербурге Гоголь уже не мог игнорировать частотный русский разговорный вариант *Маруся* — *Мария*, который, скорее всего, он подразумевал в данном ряду имен). Здесь же был представлен и русский вариант имени, которым народ назвал Б. Хмельницкого, — это Федот (от греч. *Феодот* — «данный Богом»), а по-украински *Богдан*.

Такую «русификацию» в раннем творчестве Гоголя можно объяснить воздействием официальной историографии, которое очевидно в его ранних прозаических опытах и первых повестях «Вечеров». В русле этого объяснения и то, что действие происходит на границе Слободской Украины, в прошлом входившей в состав Русского государства. То есть Гоголь подчеркивает **общее** у народов-братьев (язык, быт, языческое и христианское прошлое Руси, территорию, при-

меты, легенды, праздники...) — и то **особенное**, что **отличает** украинцев от русских. Все это и станет предметом изображения в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Появлению цикла предшествовали опубликованные под псевдонимом *П. Глечик* (то есть 'полковник Глечик') главы «Учитель» и «Успех посольства» из малороссийской повести «Страшный кабан»³, где личные имена, согласно их значению, тогда известному всем, соответствовали роли героев в повествовании — полностью, частично или в какой-то мере. Тем самым значение они напоминало амплуа персонажей сказки и народного театра. Здесь бывший семинарист *Иван* (от древнеевр. *Анна/Иоанн* — 'милость Божия') и простяк, и заурядный, туповатый, неказистый герой, ищущий свое место в жизни. А наивная, «чистосердечная» героиня традиционно названа *Катериной* (греч. 'чистая, непорочная'). Имя ее отсутствующего отца — «козака Харька Потылицы» (в списке «Харитін, Харько — Харитон»; греч. 'щедрый, осыпающий милостями') напоминает хорька и... маленькую харю; его козацкое прозвище Потылица — укр. 'затылок' (тот, кто «всегда убегает, показывая затылок» и/или перен. «ничего не видит, не ведает»). Кухмистер *Онисько* («Онисечко — Анисим»; греч. 'исполняющий, совершающий') — здесь явно «исполнитель». Учитель *Иван Осипович* и помещица *Анна Ивановна* похожи по имени-отчеству еще и потому, что они у этих героев — русские, в отличие от простых сельских жителей (ср. в «Вечерах»: дьяк *Фома Григорьевич*, а пасичник *Рудой Панько*). У мирошника/мельника *Солопия Чубко* прозвище связано с «чубом» — метонимическим обозначением козака, имя — с украинским глаголом *солонити* — 'лизать, высовывая язык'⁴, причем простонародное имя *Солопий* созвучно и салу, и холопу, и салопу — верхней женской одежде в виде широкой длинной накидки⁵.

В первой части «Вечеров» национальны почти все личные имена героев, начиная с повести «Сорочинская ярмарка», где мужицкое имя *Солопий* соединено с прозвищем *Черевик*, обозначающим и любую повседневную разношенную обувь, и женский нарядный полусапожек. Так намечены черты мужлана-подкаблучника (и мужские, и женские), вероятно,

по-крестьянски простодушного, темного, жадного, трусливого и болтливового. Это подтверждается и поступками *Черевичка*, и его бездействием в ситуации, выявляющей его сходство с женщиной: в панике он бросился бежать, ничего не видя, и упал в обморок, когда на него свалилась жена *Хивря* (I, 129).

Полное же имя *Хиври* в «Книге всякой всячины» обозначено как *Феврония*. Благодаря популярной древнерусской «Повести о Петре и Февронии» это имя стало символом мудрой, добродетельной, верной жены. Однако у Гоголя героиня, именуемая *Хавроньей* (зооним свиньи), предстает и комическим, и демоническим антиподом *Февронии*, приводя любовника в дом, где гостит с мужем. Здесь демоническое связывается и с представлением о «сатане в образине свиньи», со свиньями-чертями в легенде о красной свитке, а затем с появлением в окне хаты «страшной свиной рожи» (I, 127). Как полагают комментаторы, зооним мачехи соотнесен с народным истолкованием имени ее падчерицы *Параски* как «поросья»⁶ Вместе с тем обрисовка внешности и поведения мачехи, и переключка этих женских имен — зоонимов отражает и свойственное украинскому фольклору представление о демонической природе женщины, ее идентификацию с чертом⁷. Само же имя *Параска* (и *Пидорка* — рус. Федора — из повести «Вечер накануне Ивана Купала») воспринималось как этноним (ср. рус. *Параша*). Вероятно, по замыслу автора, судьбу юной героини в чем-то определяет и значение ее имени *Прасковья* (греч. *Параскева* — ‘пятница’): ведь именно в «свой» день она впервые в жизни приезжает на ярмарку, встречает будущего жениха и вырывается из-под власти мачехи-ведьмы.

Заметим, что имена *Черевик*, *Хавронья*, *Параска*, *Цыбуля* (укр. ‘лук’), маркирующие простонародное происхождение героев, имеют не только собственное, но и сниженное нарицательное (вещественное, растительное, животное) значение предмета продажи — обуви, свиней, поросят, лука — наравне с кобылой, пшеницей, гончарными изделиями и проч. и проч. Оно сближает героев с такими национальными «ярмарочными» типами, как «перекупка, кум, пан, цыган, мо-

скаль...» — персонажами вертепа, украинского народного театра, традиционные черты которых явно выражены у гоголевских героев [см.: 5].

По-видимому, те же традиции обусловили подбор других национальных имен — ярких, образных и, в то же время, неоднозначных. Так, новоиспеченный жених *Голопупенко* (эвфемизм бедняка) носит греческое имя *Григорий* и своими действиями подтверждает его значение 'бодрствующий, энергичный'. В данном смысле имя это монашеское, пастырское... Однако в некоторых областях Малороссии имя *Гриць(ко)* считалось эвфемизмом черта — так же, как имя *Охри-ма*, чьим сыном назвался парубок Голопупенко (греч. *Ефрем* означает 'плодовитый')⁸.

Имя поповича *Афанасий* (греч. 'бессмертный'; укр. «Опанас, Панас, Панаско») было, пожалуй, самым распространенным у российского духовенства: оно восходило к отцу церкви бессребреннику Афанасию Великому, чьим нравственным антиподом предстает алчный «пан-отец» и его сластолюбивый сын. То есть в «Сорочинской ярмарке» коннотацией данного имени становится иное «бессмертие» — глупости, пошлости, сластолюбия. В повести же «Вечер накануне Ивана Купала» священник отец *Афанасий* был достоин своего великого тезки как настоящий борец с чертом.

Афанасием звали и деда Гоголя — выходца из духовенства, и если имя *Панько* действительно обозначает «внук Панаса», как принято считать в гоголеведении, то автор «Вечеров» фактически назвался «внуком бессмертного». Однако в «Именах, даемых при Крещении» указано, что *Панько* — укр. уменьшительное имя от *Пантелеймон* (греч. 'всемило-стивый'), а следовательно, и прямое значение, и коннотации, связанные с именем целителя вмч *Пантелеймона* (подразумевающие, прежде всего, исцеление духовное), должны быть актуальны и для сказа Пасичника. Кроме того, формы косвенных падежей у *Панько* совпадают с формами слова *панок/ёк* — уменьшительными от *пана*. Этим охотно пользовались в переписке и непосредственном общении те, кто звал Гоголя и *Паньком*, и *Панком* (Пушкин, В.Ф. Одоевский...), хотя он

сам никогда и нигде прямо не называл персонажей ни своим собственным именем, ни именем отца.

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» союз «Пидорки — Федоры» (греч. 'Божий дар') и «Петро, Петруся — Петра» (греч. 'камень') должен сочетать духовное и физическое, в котором духовное получает надежное основание, опору. Однако от «камня» затем остаются «куча пепла и битые черепки», ибо *Петр* получил *Пидорку* **неправедно**, за дьявольское золото и жизнь ее младшего брата. Причем убийство «безвинного младенца» Ивася (Ивана) — сироты, как сам Петрусь, — это языческая кровавая жертва, подобная и языческому «избиению младенцев», от которого был спасен ребенком Иоанн Предтеча, и его казни, когда голова Крестителя была отсечена (Мф. 14:3–11).

«Преступная» коннотация имени *Петр* будет обыграна и в повести «Страшная месть», где оно принадлежит вероотступнику, изменнику. Для католиков имя апостола Петра — синоним краеугольного камня веры (недаром главный храм Ватикана — собор св. Петра или Петри). Гоголь же основывается на евангельском описании предательства Петра, когда тот, по пророчеству Христа, трижды от Него отрекся (Мф. 26:33–35, 69–75). С этим, видимо, и связано тяготение Петруся к «дьяволу в человеческом образе, воплощению антихриста» Басаврюку (в первой, журнальной ред. было отчетливее: *Бисаврюк*)⁹.

В повести «Майская ночь, или Утопленница» образ юного *Левко* (уменьш. от Льва) в какой-то мере отражает противоречивое значение имени, его зооморфные коннотации. В христианстве царственный *Лев* символизирует силу и мощь Иисуса Христа, является символом Воскресения (существовало поверье, что львята рождаются мертвыми и родители оживляют их, вдыхают жизнь), символизируя также духовную бдительность и крепость часового, *неусыпно охраняющего устои Церкви*, поскольку, согласно другому поверью, лев спит с открытыми глазами. Но в христианских поучениях встречается и образ свирепого, алчущего льва как символ адских сил (например: «...противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить...» — I-е Петра

5:8). *Левко* напоминает зверя, когда бродит «в вывороченном шерстью вверх овчинном черном тулупе» (I, 169), вспоминается и «волк в овечьей шкуре». И за это его — правда, по неведению — несколько раз называет «дьяволом» и «сатаной» собственный отец. В то же время юному герою свойственно Божественное, творческое начало: он талантлив, прославляет Бога и Божий мир, искренне любит Ганну-Галю, публично осуждает несправедность своего отца и помогает панночке найти ведьму. Между *сном* и *явью* именно *Левко* дано *видеть* недоступное другим, именно с ним происходят разные чудеса.

Его подругу зовут *Ганна-Галя*. Это «двойное» имя Гоголь использовал лишь в трех произведениях. Причем в «Именах, даемых при Крещении» украинское отождествление «Ганна, Галя, Галька... Анна» — единственное, противоречащее русскому (кроме *Маруси* — *Марины*). В русском языке уменьшительные *Галя*, *Галька* восходят к *Галине*, а значение этого имени 'спокойная, безмятежная' явно отличается от значения 'милость Божия' у *Анны/Иоанна*. Видимо, здесь «диалогизируется» единое украинское имя¹⁰, чьи варианты принадлежат двум различным русским именам. И это, по замыслу Гоголя, символизирует «двойственную» природу типичной героини: духовное имя *Ганна* соответствует ее небесным мечтам, порывам ввысь, а имя *Галя* — земной, чувственной, слабой стороне ее натуры. В любовном треугольнике и мятущаяся, «двойственная» *героиня*, выбирающая между сыном и отцом, и юный *герой*, искренне любящий ее, бескомпромиссный, уверенный в своей правоте, и его *антипод* — недостойный, но самоуверенный отец, до конца именуемый лишь по должности «головой» (старостой), как бы взаимно дополняют и уравнивают друг друга.

На фоне многозначности имен молодых героев другие онимы обозначают комическое противоречие между своим значением и статусом или поведением носителя имени. Имя пьяного *Каленика* (от греч. Калинник), всю ночь безуспешно ищущего свою хату, имеет значение 'добрый/прекрасный победитель'. Комичны фамилии уездного начальства: комиссаров *Ледачего* (укр. 'ленивый, дурной, никчемный') и *Косьмы* (от греч. космос — 'миропорядок') *Деркача-Дришпановского*

(надеюсь, в данном случае вы простите отсутствие подробных разъяснений...). А имя недалекого, но хитрого и властолюбивого старосты названо в конце повести: укр. *Евтух* (от греч. Евтихий) означает 'счастливый, успешный', и это соотносится с непоколебимой верой «головой», что он отмечен свыше, избран, а потому значим, непогрешим и ему все можно. Прозвище *Макогон* (большой пест для растирания мака) обычно получали долговязые и подвижные люди. Недаром «голову», как и Левко, сравнивают то со «старым бесом», то с «медведем», именуют «сатаной» и «одноглазым чертом» (он «крив» — что, по мысли автора, служит и «внешним» признаком его ограниченности, «односторонности», а в фольклоре это явно демонический признак¹¹). Можно истолковать как бесовские и некоторые особенности его изображения: «...тьнь покрывала его с ног до головы»; хлопцы принимают его за Ганну; «Рот его покривился, и что-то вроде тяжелого, хриплого смеха, похожего более на гудение отдаленного грома, зазвучало в его устах» (I, 162–163, 179).

В повести «Пропавшая грамота» принципиальное значение обретает *безымянность* персонажей — ведь они выделяют персонажа из ряда подобных, добавляют некие индивидуальные черты. Видимо, Гоголь связывал такую безымянность с патриархальным *единством* в гетманские времена, запечатленным в народном театре (вертепе), которое распалось после уничтожения Козачества. Поэтому *внешний* повествователь — дьяк *Фома Григорьевич*, имея полное русское имя и отчество, не называет своего деда по имени или прозвищу, хотя оно, безусловно, внуку известно¹². В его рассказе дед-козак — наравне с «вельможным гетьманом», «Царицей» и «полковым писарем», чье «мудренное прозвище» может быть *Вискряк* — укр. 'сопля', *Мотузочка* — укр. 'веревочка', *Голопуцек* (от укр. *голопуцьок* — 'голозадый, не оперившийся птенец')¹³. Так же безымянны жена и два дедовых сына. Далее будут изображены такие же безымянные «ярмарочные» типы (гуляка, перекупка, цыган, чумака, москаль... — персонажи вертепа, как в повести «Сорочинская ярмарка» [5, 110]¹⁴), а среди них запорожец, чей демонический ореол был тогда вполне официальным. Основную роль в демонизации,

видимо, сыграло постановление 1775 года (после разгрома Пугачевщины) об уничтожении Новой Сечи как центра козацко-крестьянских волнений, когда часть запорожцев ушла за турецкую границу и в устье Дуная основала Сечь Задунайскую («гнездо измены» — с точки зрения России). Отношение переменилось после того, как войско запорожцев во главе с кошевым Осипом Гладким к началу Русско-турецкой войны в 1828 году перешло на российскую сторону, повернув оружие против турок. Однако какое-то время запорожцев еще продолжали изображать такими «типичными изменниками», как в гоголевской повести [см.: 6, 104–108, 111, 119].

И столь же *типичны* оказываются здесь зооморфные чудовища: «Свиные, собачьи, козлиные, дрофиные, лошадиные рыла...» (I, 188). Потусторонний мир населен ведьмами и чертями, как земной мир — мужчинами и женщинами, только эти чудовища в пост пожирают скоромное да режутся в карты. Животные по обличью, своим поведением они подобны людям и едины так же, как в патриархальном обществе, — то есть настолько, что невозможно чудовищу дать имя собственное. Вероятно, это особенность Нового времени, когда понятная, отчетливая средневековая *антиномия* Добра и зла, Божественного и дьявольского отчасти сменяется их противоборством и/или смешением в мире. В «Вечерах» и Божественное, и дьявольское уже проявляются в *типичном* герое, обособляя его даже от собственного рода, делая личностью. И это, в частности, маркируется наличием или отсутствием у него онима.

Все сказанное выше позволяет нам сделать вывод, что, наделяя героя тем или иным христианским именем, Гоголь учитывал фонетическую и семантическую структуру онима, его прямое и коннотативное значения, их противоречия, смысловые связи, реже — его распространенность, принадлежность тому или иному сословию, паронимические созвучия.

Примечания

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00510.

- ¹ Постулат о связи имен героев со всеми уровнями художественного произведения, начиная с его замысла, воспринимается теперь как аксиома. О литературной ономастике см., например, [3].
- ² Здесь и далее гоголевские произведения цитируем по изданию: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952; указывая том римской цифрой, страницу — арабской в круглых скобках после цитаты. В словах *козак* и производных от него (обозначавших, с точки зрения писателя, особую национально-историческую общность) сохранено написание черновых редакций, которое цензура везде заменяла на *казак* и производные от этого слова.
- ³ Литературная Газета. 1831. № 1, 17.
- ⁴ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. Т. III. С. 714.
- ⁵ Высказывалось предположение, что *Солопий* — лишь прозвище простака, разявы по значению исходного глагола. Однако в повести Гоголя и в басне «Солопий та Хивря» (1819) П. П. Артемовского это личное имя. Оно имеет производные: украинские и русские фамилии (например, Солоповы, Солопины).
- ⁶ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. С. 705.
- ⁷ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М.: Наследие, 2001. Т. 1. С. 703.
- ⁸ Там же. С. 695–696. Комментаторы опирались на труды известного украинского фольклориста М. П. Драгоманова (1841–1895). Сам «демонический ореол» имени *Грица беспятого* отражает амбивалентность народной культуры. Имя как знак может иметь и положительные, и отрицательные коннотации, будучи связано с действительностью не прямо, а через *понятие* о предмете (здесь о лице).
- ⁹ «Басаврюк» может восходить к севернорусскому «бас, баса, баской» — ‘украшение, красивый’ (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. С. 129–130). Однако нельзя исключить, что Гоголь просто заменил букву для «маскировки» смысла.
- ¹⁰ Так, Галей-Ганнусей звали героиню народной песни «Побег малороссиянки» (Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. — М.: В типографии Августа Семена при Императ. медико-хирургич. академии, 1827. 234 с. С. 121).
- ¹¹ Ср. легенду о «крывом чёрте», который умнее и хитрее всех в Пекле (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 369).
- ¹² В черновом варианте имя было украинским — *Хома*, а его значение (древнеевр. ‘близнец’) наводит на мысль, что внук был назван в честь деда, а потому и не упоминает имени своего тезки.
- ¹³ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 760.
- ¹⁴ В черновых вариантах «Сорочинской ярмарки» было нарочитое гротескное огрубление образов, прямое уподобление животным и вещам, свойственное народному театру (вертепу).

Список литературы

1. *Денисов В. Д.* Мир автора и миры его героев (о ранней прозе Н. В. Гоголя). СПб.: Изд-во РГГМУ, 2006. 276 с.
2. *Каманин И. М.* Научные и литературные произведения Гоголя по истории Малороссии // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изд. Историческим обществом Нестора-Летописца. Киев, 1902. Отд. 2. С. 75–132.
3. *Карпенко Ю. А.* Имя собственное в художественной литературе // Науч. доклады высшей школы. Филолог. науки. М., 1986. № 4. С. 34–40.
4. *Маркович Яков.* Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. СПб.: При губернском правлении, 1798. Ч. I. 102 с.
5. *Розов В. А.* Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя // Памяти Н. В. Гоголя: Сб. речей и статей. Киев: В типограф. Импер. ун-та св. Владимира, 1911. С. 99–169.

Vladimir Dmitrievich Denisov

*Doctor of Philology, Associate Professor of
Russian State Hydrometeorological University
(St. Petersburg, Russian Federation)
vladdenisoff@mail.ru*

GOGOLIAN IMENOSLOV: ABOUT THE FORM AND SEMANTICS OF THE PERSONAL NAMES IN THE EARLY PROSE

Abstract. Modern readers often do not know or do not understand literal and connotative meanings of personal names (anthroponyms) in Russian classical literature, which reflect the culture of that time and play an important role in the books' stylistic harmony: these names provided certain framework for the writers and readers who knew at least some elementary Latin and Greek, as well as some basic ancient Slavic mythology. Thus, one of the ways to provide correct philological commentary on a text can be to define the semantics of personal names and its correlation with the characteristics of the heroes, with the ideological and artistic aspects of the text. And analyzing the structure of the artistic image, you need to consider the importance of the various forms of personal names, as well as their possible external and internal dialogism.

We characterize onyms in the early works of Gogol devoted to Little Russia: *A Chapter of the Historical novel, Two chapters of Little Russia's Story, the first book Evenings on a Farm near Dikanka* (1831). It is based on the interpretation of common Slavic names in their Ukrainian and Russian

versions generally accepted at the time, as well as the list of Names Given at Baptism from Gogol's *The Book of Bits and Pieces* (1827–1831).

Given analysis leads to the conclusion that choosing a certain Christian name for his hero, Gogol took into account the phonetic and semantic structure of the onyms and its direct and connotative meanings, their contradictions, semantic links, and less often – their popularity, belonging to a particular caste, and paronymic harmonies.

Keywords: Gogol's imenoslov, early works, form and semantics of personal names (anthroponyms), dialogism, Evenings on a Farm near Dikanka

References

1. Denisov V. D. *Mir avtora i miry ego geroev (o ranney proze N. V. Gogolya)* [*The author's world and the worlds of his characters (early prose of Nikolai Gogol)*]. St. Petersburg, Russian State Hydrometeorological University Publ., 2006. 276 p.
2. Kamanin I. M. Nauchnye i literaturnye proizvedeniya Gogolya po istorii Malorossii [Scientific and literary Gogol's works on the history of Little Russia]. *Pamyati Gogolya: Nauchno-literaturnyy sbornik, izdannyy Istoricheskim obshchestvom Nestora-Letopistsa* [*In memory of Gogol: literary and research collection, edited by the Historical Society of Nestor the Chronicler*]. Kiev, 1902, dept. 2, pp. 75–132.
3. Karpenko Yu. A. Imya sobstvennoe v khudozhestvennoy literature [The proper name in the literature]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki* [*Scientific reports of high school. Philology*]. Moscow, 1986, no. 4, pp. 34–40.
4. Markovich Jacob. *Zapiski o Malorossii, eyo zhitelyakh i proizvedeniyakh* [*The notes on little Russia, its people and products*]. St. Petersburg, Pri gubernskom pravlenii Publ., 1798, part 1. 102 p.
5. Rozov V. A. Traditsionnye tipy malorusskogo teatra XVII–XVIII vekov i yunosheskie povesti N. V. Gogolya [The traditional types of Little Russian theater of the 17th–18th centuries and the youth stories of Nikolai Gogol]. *Pamyati N. V. Gogolya: sbornik rechey i statey* [*In Memory of Nikolai Gogol: the collection of orations and articles*]. Kiev, Imperial University of St. Vladimir Publ., 1911, pp. 99–169.